

Ирина ТОСУНЯ

ИГРА В ЯПОНСКУЮ РУЛЕТКУ

Ирина Сергеевна Тосунян

Игра в японскую рулетку

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42660863

Тосунян И. С. Игра в японскую рулетку. Рассказы и очерки из жизни Японии и Китая. Взгляд журналиста: Алетейя; Санкт-Петербург;

2019

ISBN 978-5-907115-94-1

Аннотация

Мало кто будет отрицать, что Япония, четыре относительно крупных и 6848 крошечных островков, после того как была вынуждена в 1854 году открыть свои морские ворота коммодору Мэтью Перри, серьезно повлияла на европейский мир и даже в каком-то смысле его перевернула. И продолжает – влиять, менять, переворачивать. Началось с искусства, точнее с живописи. Ну, вспомните навскидку, много ли знаете европейских художников, в чьем творчестве легко прочитываются корейские, китайские или вьетнамские истоки? А вот Хиросиге, Утамаро, Мотонобу постоянно на слуху. Потом случилось знакомство с литературой, и с тех пор на разных европейских языках сочиняются танка и хокку, чья незавершенность трехстишия сливается с живописью в единую неразделимую форму. Чайные церемонии, неброская изысканная керамика, икебана... И архитектура. И гастрономические изыски... Обо всем этом – книга журналиста

Ирины Тосунян, которая многие годы работала в «Литературной Газете» в Москве, три года жила в Японии, несколько месяцев – в Китае. Как обычный японский или китайский обыватель. Часть предлагаемых рассказов была напечатана в российских и японских газетах и журналах, другие публикуются впервые. В настоящее время Ирина – собственный корреспондент «ЛГ» в США.

Содержание

Япония	6
Зачем японцу нить Ариадны?	6
Какой иероглиф доведет до конечной?	13
Самураи в белых перчатках	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ирина Тосунян
Игра в японскую рулетку.
*Рассказы и очерки из
жизни Японии и Китая.*
Взгляд журналиста

© И. С. Тосунян, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

* * *

Япония

Зачем японцу нить Ариадны?

В аэропорту Шереметьево-2 теперь мало кому из таможенников есть дело до тебя, скромного путешественника, и твоих вещей. Или подобное ощущение возникает от укоренившейся привычки к извечному ожиданию рукотворного шмона и то, что человек в униформе лишь поглядывает на монитор, но не бросается сразу же просеивать сквозь сито ладоней твои носильные вещи, все еще приводит бывшего «совка» в приятное недоумение? Как бы там ни было, но и таможеню, и пограничный контроль проходим почти стремительно и попадаем в близкие к родственным объятия улыбающихся стюардов и стюардесс. Очередной беспосадочный рейс Москва – Токио начинается минута в минуту. Впереди – 9 тысяч километров пути и 9 или 10 часов полета (в зависимости от направления ветра) в креслах, не чересчур удобных и широких для столь длительного путешествия...

В два часа утра московского времени (в Японии уже семь часов) стюардессы, продвигаясь вдоль спящего беспокойным сном салона, методично поднимают шторы иллюминаторов. Выглянув в окошко, видишь, что тебя наяву приветствует первый символ Японии, изображаемый на государственном флаге, – огромное оранжево-красное светило.

Чуть больше года прошло со дня моего первого путешествия в Страну восходящего солнца, поэтому даже незначительные бытовые детали происшедших здесь за это время перемен замечаешь сразу. Все также холодно-вежлив японский пограничник и подчеркнуто улыбчива таможеня. Впро-

чем, как и в Москве, задержек не происходит, и пассажиры вместе с тележками, нагруженными чемоданами и сумками, ровным потоком выливаются в залы ожидания. Несколько минут на то, чтобы оглядеться, и вот, подкатив тележку почти к дверям скоростного экспресса – до центра Токио еще 70 километров пути, – успеваешь занять место у окна. Если не купил билет в кассах, можешь приобрести его после отхода поезда у контролера, цена та же. Никому и в голову не придет попенять тебе на безбилетный проезд – такого понятия просто не существует. Контролер проверяет лишь соответствие билета занятому тобой месту, если ты предпочитаешь ездить в вагонах «с резервацией», да снабжает проездными документами припозднившихся. Но в любом случае «зайцу» придется раскошелиться по приезде на нужную станцию, ибо в город он сможет выйти только через турникет, пропускающий каждого пассажира после того, как в соответствующее отверстие будет опущен правильный проездной талончик. К услугам «зайцев» тут же дежурит очередной служащий с кассовым аппаратом величиной с ладонь.

А вот и первое новшество: световая электронная путевая карта. Год назад я любовалась электронными табло, висящими в двух концах каждого вагона каждой пригородной электрички, городского метро, суперскоростного междугородного поезда, именуемого здесь «синкансеном» (первая буква «с» произносится скорее как «ш»), непрерывно снабжающими путешественников всякой необходимой информации.

ей. То на экране возникала симпатичная электронная красавица, отвечивала традиционные поклоны и, мило щебеча на двух языках – японском и английском, – предупреждала об очередной остановке, то возникал яркий игрушечный паровозик, тянущий вагон с быстро меняющимися цифрами – 120, 143, 196 км/час... Японцы – как дети, любят и изобретают все яркое, необычное. Словно по Мандельштаму: «... Иль птица тебя рисовала? Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?». Электронная карта густым красным цветом по зеленому полю дороги важно и неторопливо чертит пройденный отрезок от станции к станции. Забавно. И ведь кому-то нужно, для кого-то важно. Так же важно, как экономически выгодные световые сенсоры, реагирующие на движение, – повсеместно устанавливаемые в коридорах административных зданий и различных учреждений. Или, скажем, такой пустячок, как добротные, красивые и удобные детские туфельки – «самораздвигающиеся» от 13 до 15 размера...

Но что я все о бытовом, приземленном, в то время как дорога уже взвилась вверх и взору открылась сумасшедшая панорама токийских небоскребов и просторных прямых улиц. Мы прибываем на станцию Токио – огромный транспортный узел в самом центре столицы. Сюда приходят поезда и автобусы со всей Японии, здесь же – одна из основных пересадочных станций городского метрополитена. Чтобы вконец не запутаться в хитросплетениях бесконечных переходов, подземных галерей, магазинов и кафе, иностранцу придется со-

средоточиться и основательно-таки попотеть. Даже несмотря на то, что повсюду параллельно с иероглифами есть надписи на английском языке. Но если чувствуешь, что совсем уж не справляешься, смело подходи к первому встречному и проси помощи. Даже самый занятой и неизменно спешащий куда-то столичный житель, даже самый неговорящий ни на каком другом, кроме японского, языке непременно остановится и попытается хоть чем-то помочь заплутавшему гайдзину («человеку извне»). В провинции же эти вежливость и готовность оказать содействие простираются еще дальше, практически каждый японец готов предоставить себя в качестве нити Ариадны и вести или везти тебя куда-то или плутать с тобой вместе до тех пор, пока не будет достигнута нужная тебе цель. Мои друзья, супружеская чета из Львова, рассказали, как один работавший здесь по контракту польский ученый, быстро усекший эту японскую черту, весьма предприимчиво и столь же беззастенчиво стал ее использовать. «Каждый раз, когда мне нужно куда-нибудь добраться, – охотно откровенничал поляк, – я делаю вид, что никак не пойму объяснений. И знакомые японцы меня везут на автомобиле. Так удобно и, главное, абсолютно бесплатно!..» Он полагал, что его примитивные и ничуть не щепетильные манипуляции недоступны пониманию аборигенов, сдержанность и безукоризненная воспитанность которых общеизвестны. Японцы улыбаются часто, радуются, шумно восклицая, негодуют азартно, порой зло. Но кто может поручиться, что именно эти охотно

демонстрируемые на публике чувства, а не совсем другие, таящиеся в глубинах души, искренни?

«Загадочная русская душа», – любим приговаривать мы, подразумевая, что ждать от этой души можно чего угодно, что она широка, раздольна, многогранна и абсолютно непредсказуема. Точка соприкосновения есть. Слово «русская» я могу смело заменить на «японская», и никто не бросит в меня камень. Потому что сказанное – правда. Вот только расшифровка значения «загадочная» будет иной.

Термином «гайдзин» современные японцы обозначают любого иностранца. Никакого унижительного или враждебного смысла он не содержит, и все же, по мнению ученых-японистов, в нем есть какая-то доля неприятия. В XIII–XIV веках слово это трактовалось как «противник», «враг», то есть некто чужой, не принадлежащий к собственной группе – не член семьи, не сосед, не соученик, не сослуживец, но вовсе не обязательно чужестранец. В те времена Япония, как известно, была страной настолько закрытой, что значение слова «гайдзин» по отношению к иностранцу не было актуальным. Таковым оно стало лишь после падения рода сёгуна Иэясу Токугава, династии (неимператорской), принудительно объединившей всю Японию, весьма успешно правившей 300 лет, но накрепко заперевшей страну от внешнего влияния. В 1868 году сёгунат Токугавы был низвержен, и власть вновь вернулась к императорской династии, а вместе с ней кончилась и самоизоляция Японии.

По-видимому, слово «гайдзин» претерпевает нынче в японском языке ту же трансформацию, что в свое время в русском языке значение слова «немец» (в отличие, например, от слова «варвар»). И вот эту самую долю неприятия, о которой толкуют ученые мужи, «простому» иностранцу заметить не так-то просто. Во всяком случае, ручаюсь: никакого дискомфорта оно не привносит и ни обычной японской вежливости, ни, если познакомиться поближе, сердечности в отношении тебя не убавит. Говорят, правда, что иностранец, проживи он в Японии хоть 20, хоть 30 лет, никогда не станет «накама», то есть стопроцентно своим. А станет ли он таким уж стопроцентным «накама» в любой стране, проживи там хоть всю жизнь, но резко выделяясь среди местных жителей акцентом, цветом кожи или разрезом глаз?

Не имеет эта «доля неприятия» ничего общего и с таким явлением, как «Fremdenhass» (ненависть к чужакам), нынче распространенным и все больше распространяемым и в благополучной Европе, и в России, и в неблагополучных странах бывшего СССР, реально ощутивших эмиграцию, иммиграцию, беженство...

Но кто знает, во что бы вылилось значение слова «гайдзин», не будь Япония столь территориально отдельна и государственно неприступна (получить гражданство неяпонцу практически невозможно)? Ведь что ни говори, а люди есть люди, и ничто человеческое им не чуждо – ни любовь, ни ненависть, ни корысть.

Какой иероглиф доведет до конечной?

Как Москве, так и в Токио самый быстрый, удобный и надежный способ передвижения по городу, конечно же, метро. А уж для приезжего человека, желающего за пару дней хорошенько познакомиться со столицей, оно и вовсе незаменимо, ибо Токио велик, богат, соблазнителен и даже одна-единственная поездка на такси способна основательно опустошить любой кошелек.

В токийском парке Уено, неподалеку от одноименной станции метро, есть много достопримечательностей, влекущих туристов: пятиярусная пагода, синтоистские и буддийские храмы, зоопарк и аквапарк, превосходная картинная галерея... Но на самую экзотическую достопримечательность я наткнулась, отойдя чуть в сторону от главной аллеи: несколько домиков, сооруженных из разноцветных зонтов для дождя. Живущие под зонтами люди – японские бомжи, и от своих российских коллег внешне они мало чем разнятся, да и по запаху схожи. Но в отличие от наших, японских бомжей попрошайками не назовешь, нищих и несчастных они из себя не изображают и рук за милостыней не протягивают. Это, видимо, просто стиль жизни. Ни в переходах метро, как в Москве, ни на улицах они не торчат. Предпочитают тусоваться в укромном уголке парка Уено и не огорчать своим видом добропорядочных граждан, пользующихся муниципальным транспортом. Да и при всем желании появиться на станции метро они не могут, ибо метрополитен – это объект, наиболее жестко и тщательно контролируемый властями в огромном многомиллионном мегаполисе.

Услугами метро в токийской столице ежедневно пользуются более шести миллионов человек и обслуживающего их персонала вполне достаточно для поддержания полного порядка на станциях и четкого движения поездов. Сотрудников метрополитена на наш, российский взгляд, так много, что порой закрадывается мысль об искусственно создаваемом

мых рабочих местах. Судите сами: каждый подъезжающий к станции поезд встречают и провожают как минимум два-три дежурных по перрону. В часы пик их количество удваивается. Добавьте сюда билетеров-контролеров на входе и выходе, бесчисленное количество уборщиков и уборщиц, остервенело трущих все доступные и недоступные поверхности, и получится... что даже если вы приехали издалека и ни слова не понимаете по-японски, все равно не пропадете: укажут, покажут, доведут, на пальцах объяснят, и в конце концов доедете именно туда, куда стремились.

Впервые попав в японское метро, иностранец, как правило, теряется. В глазах рябит от обилия иероглифов, которыми заполнены все стенды вестибюля; электронные кассы выплевывают непонятные разноцветные билетки самой различной стоимости... Но если не торопиться и внимательно оглядеться вокруг, разобраться все-таки можно. И тогда оказывается, что о потенциальном иноязычном пассажире здесь также заботятся. А потому за стендами на японском языке следует информация на английском языке, и, выбирая маршрут, нужно просто внимательно посмотреть на цифры, обозначенные на схеме метро рядом с нужной тебе станцией: это и есть стоимость твоей поездки.

С 1927 года – именно тогда было основано токийское метро, а длина его единственной ветки от станции Асакуза до станции Уено составляла всего 2.2 км – оно является государственной собственностью. Сегодня метрополитеном на

паях владеют японское и токийское муниципальное правительства с совместным капиталом. Но есть и частные линии, (они также обозначены на карте), где плата взимается особая. И если этого не учитывать, то вполне вероятна ситуация, когда придется, как это было однажды со мной, при переходе с одной станции на другую раскошелиться дважды. А стоимость проезда здесь немалая (транспорт в Японии вообще очень дорогой). Можно, конечно, приобрести сразу десять льготных билетов, но при поездках на более длинные, чем обозначено в билете, дистанции придется доплачивать непосредственно контролеру при выходе.

Удобно расположившись на мягком плюшевом сиденье, несколько минут рассматриваю электронные табло, прикрепленные над каждой дверью вагона. Первым делом на экране возник компьютерный проводник. Поклонившись окружающим, он сообщил название следующей станции и пожелал приятной поездки. Повторил информацию на английском языке и исчез. Вслед теми же сведениями с окружающими поделилась бегущая на двух языках строка. Когда поезд стал тормозить, маленький японец вновь появился на экране, поблагодарил за приятную поездку выходящих и вплотную занялся новоприбывшими. Тут рядом со мной зазвонил телефон. Мой сосед достал его из внутреннего нагрудного кармана пиджака и, извинившись перед другом, с которым до этого разговаривал, приступил к негромкой и обстоятельной беседе. Шум поезда ему несколько не

мешал. Невольно я стала с любопытством прислушиваться к необычным для меня модуляциям японской речи, а вот окружающие пассажиры не реагировали вовсе: вагон жил своей жизнью...

Самурай в белых перчатках

Спустя две недели после приезда нам подарили автомобиль. Совсем не новую, немного поцарапанную, но очаровательную *Toyota Corolla*, заботливо укутанную – так здесь принято – в белые кружевные подголовники. Работающий, как и мой муж в японском научно-исследовательском центре биолог из Узбекистана (все бывший наш народ) Равшан Сабиров накануне возвращения на родину после окончания контракта пришел к нам и протянул ключи: «Забирайте, ребята! Эту машину три года назад мне оставил физиолог из Англии, я объездил на ней всю страну. Теперь она ваша. Нужно только уплатить страховку...». Поначалу мы просто онемели от такого щедрого подношения – согласитесь, случай совсем не типичный, – но отказываться не стали, дав себе слово, что, когда напутешествуемся и настанет время уезжать, также найдем машине достойного хозяина...

Обследовав на следующий день свой новый автомобиль, я была озадачена, не обнаружив в нем никаких противоугонных приспособлений, даже завалящего рулевого замка не было. Но, припомнив как улыбался в аэропорту таможенник, разглядывая навесной и, на мой взгляд, вполне изящный замочек на моем чемодане, поняла, что к данным приспособлениям здесь относятся легкомысленно и предвзято. Конечно, я знала, что японские города в криминогенном отношении нельзя и сравнивать с российскими или американскими. Но ведь и в этой стране случаются преступления, а значит, имеются и преступники. Это был первый вопрос, на который

я, житель вполне криминогенной, но спешно демократизированной страны, хотела получить ответ...

Япония – государство, безусловно, полицейское, с хорошо развитым, вышколенным бюрократическим аппаратом. К такому, возможно, для кого-то из японцев обидному выводу я пришла довольно скоро, вынужденная при оформлении удостоверения личности и вида на жительство оставить в полиции отпечатки пальцев. Процедура, которой в нашей стране все еще подвергают только задержанных и арестованных, здесь явление обычное. Полтора месяца спустя после того, как моя личность была дотошно проверена, изучена, классифицирована и поставлена на учет, мне вручили пластиковую карточку, где кроме фотографии и прочих идентификационных данных, в нижнем правом углу красовался отпечаток пальца...

Припарковав машину в самом неполюженном месте, почти что под знаком «Стоянка запрещена», и включив, как советовали бывалые японские водители, аварийную сигнализацию, я стала ждать своего спутника, ненадолго отлучившегося по делам. Впереди и позади замерли автомобили таких же как я бедолаг, не сумевших припарковаться в положенных местах по причине их абсолютной недоступности: в Японии у меня очень скоро возникло и стало постоянным ощущение, что автомобилей здесь столько же, сколько жителей старше шестнадцати лет, и, однако же, все они умудряются каким-то образом сосуществовать и даже не очень до-

саждать друг другу. Две машины весело мигали спасительными огоньками, призванными показать, что у их владельцев неотложнейшие дела и отлучились они ну буквально на минутку. Остальные «средства передвижения», видимо, расчитав, что авось пронесет, были погружены в полную задумчивость. Но японское «авось» не чета российскому, срывает крайне редко и неохотно.

Семь минут спустя у маленького грузовичка, стоявшего через две машины позади меня, возник мотоциклист в шлеме. И, конечно, это был полицейский. Достав блокнот, он деловито что-то в нем написал, тщательно сверил номера и наклеил листок на боковое стекло справа, там, где кресло водителя. Внутренне похолодев, я все же поняла, что спешно срываться с места уже не имеет смысла, и стала ждать справедливого наказания.

За несколько дней до этого случая один наш знакомый японский бизнесмен рассказал, как проехал однажды по городу, забыв накинуть ремень безопасности, как радовался: пронесло, никто не заметил. А через день получил по почте уведомление из полицейского управления, что за нарушение правил дорожного движения, зафиксированное патрульной службой, должен уплатить весьма существенный штраф – 15 000 иен. И, естественно, мой знакомый уплатил этот штраф немедленно, ибо каждый японец с детства знает постулат о неотвратимости наказания.

В моем случае все окончилось более чем благополучно.

Расправившись со стоявшими позади моей машинами, полицейский равнодушно объехал лихо мигавшие (он совершенно не видел причин, по которым должен не доверять их владельцам или пассажирам, припарковавшимся «на минутку») и занялся остальными, «преступившими закон». А преступили его два ниссана и спортивный мерседес...

С точки зрения моей, рядового россиянина, навиданного (пусть даже только по TV), наслышанного и начитанного о волне насилия и преступности, захлестнувших собственную страну, Япония – это оазис спокойствия и благоденствия, где «преступления», совершаемые природными силами, значительно страшнее и опаснее тех, что мог бы измыслить любой местный homo sapiens. И чего бы ни напридумывали авторы японских криминальных телесериалов, как бы ни старались угнаться за весьма почитаемыми здесь американскими кино- и телефильмами аналогичного содержания, им это удастся крайне слабо: фактура не та. И даже истории, связанные с якудза – так именуются местные мафиози, – не производят на занятого своими собственными проблемами японского обывателя должного впечатления. Он, обыватель, удивляется только тогда, когда случается реальное убийство (явление для Японии не слишком частое, для провинциальных городов – уникальное, становящееся предметом многочисленных пересудов), и пристально следит за тем, как полиция, сплошь и рядом одетая в белые перчатки – обязательный атрибут униформы полицейских и водителей такси, –

день за днем методично занимается поисками преступников. И, что, согласитесь, весьма подозрительно, во многих случаях их находит. Я вовсе не утверждаю, что жители Японских островов умирают исключительно естественным образом, привольно раскинувшись на своей, в крайнем случае, на больничной кровати. Среди множества причин смертности коренного населения, по данным статистики, ежегодно публикуемой японской прессой, есть даже такой, на мой вкус, экзотический пункт, как «забитый начальником подчиненный». Однако, учитывая высочайшую степень субординации и принципы иерархического подчинения работников на японских предприятиях и в учреждениях, где есть место «коллективизму», но исключены дискуссии и препирательства с вышестоящим по рангу, вышеупомянутый казус скорее всего отголосок привычек японского правящего класса VI века – удзикабанэ, где каждый представитель аристократии единолично вершил свой суд и распоряжался жизнью подданного. В отличие от более позднего общества, основанного на заимствованных из Китая законах рицурё, где господство над человеком осуществлялось уже на основе централизованной правительственной власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.